

Коу Дун так и не смог уснуть в ту ночь. Он ворочался с боку на бок, раз за разом прокручивая в голове смысл последней фразы. Тревога не давала покоя, и в конце концов он сдался — зажёл свечу, решив обыскать комнату ещё раз.

Стоило пламени робко затрепетать на фитиле, как хозяин скрытых за портретом глаз тут же явился с визитом.

—... — безмолвно выдавил Коу Дун.

На этот раз он разозлился не на шутку.

Пошарив по ящикам, юноша выудил маленькие серебряные ножницы. Направив тускло блеснувшие лезвия прямо в черноту зрачков, он замер.

Глаза, безмолвно следившие за ним из темноты, испуганно метнулись из стороны в сторону. Коу Дуну на мгновение показалось, будто во взгляде неведомого соглядатая сквозит обида.

«Обида? Серьёзно?! — возмущённо подумал Коу Дун. — С какого это перепугу ты тут обижаешься? Тебя вообще-то приставили шпионить за мной, тварь ты недоделанная!»

Не говоря ни слова, он приподнял свечу, делая вид, что сейчас поднесёт огонь прямо к холсту.

Глаза за портретом испуганно замерли.

В следующий миг зрачки торопливо скрылись в темноте, и на месте глаз вновь зияли две пустые черные дыры.

Системный помощник безмолвно содрогался от изумления. Запугать грозного NPC хоррор-игры... Что за безумная тактика?!

Коу Дуну было плевать на условности — главное, что настырный наблюдатель убрался восвояси. Усевшись на постели по-турецки, он принялся вновь скрупулёзно перебирать все зацепки. Чтобы не провоцировать щеночка Джимми на очередной визит с расспросами о том, «наполнен» он или нет, Коу Дун поспешил потушить свечу и юркнул под одеяло, свернувшись калачиком.

Шторы были задернуты неплотно, и сквозь щель в комнату лился мертвенно-бледный, холодный лунный свет.

Перед глазами невольно встали горы человеческих костей, сокрытых под половицами тайной комнаты. Освещённые тусклым блеском фамильных драгоценностей, они мерцали точно так же...

Юноша нахмурился и почти силой заставил себя закрыть глаза.

Когда он открыл их снова, вокруг царил полумрак. Приподнявшись на локтях, Коу Дун увидел дворецкого, который бережно задерживал портьеры.

За окном уже занимался рассвет.

— Пора вставать, молодой господин, — дворецкий повернулся и с глубоким почтением обратился к лежащему в постели юноше. — В такой знаменательный день вам никак нельзя спать слишком долго.

Рядом на манекене красовалось белоснежное свадебное платье. Его пышный, многослойный подол каскадом ниспадал на паркет. В нос Коу Дуну снова ударил приторный, удушливый аромат увядающих цветов — казалось, ткань платья несколько дней вымачивали в концентрированном цветочном соке. От этого запаха к горлу подкатывала тошнота.

— После завтрака я помогу вам одеться и нанести грим, — вкрадчиво произнес слуга. — Будут ли у вас какие-то особые пожелания?

Не дождавшись ответа от молчаливого хозяина, он медленно поклонился и попятился к выходу:

— В таком случае, позвольте мне ненадолго удалиться...

— Постой, — внезапно окликнул его Коу Дун.

Дворецкий замер у порога и вопросительно взглянул на юношу:

— Слушаю вас, молодой господин?..

Коу Дун крутил в пальцах бутон. Он достал его из-под простыни — лепестки давно помялись, лишившись сока, но всё ещё хранили густой багровый оттенок.

Поигрывая цветком, юноша небрежно помахал им перед лицом дворецкого. Тонкое запястье и изящные пальцы Коу Дуна казались почти прозрачными — бледность изнеженного аристократа, никогда не видевшего солнца.

— Видишь? — лениво протянул он. — Эти цветы завяли.

Он слегка подбросил бутон. Цветок, описав в воздухе дугу, бесшумно упал на ковер прямо к ногам дворецкого.

Однако слуга даже не взглянул вниз. Его неподвижный взор оставался прикован к лицу молодого господина.

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу свежих цветов, — капризно заявил Коу Дун. — Скоро моя свадьба. Разве я не заслуживаю самого лучшего?

Он указал на окно. Там, у самой границы мрачного пихтового леса, раскинулись невысокие розовые кусты. На ветках подрагивали свежие, усыпанные утренней росой бутоны.

— Срежь мне самую красивую розу. Прямо сейчас.

Дворецкий молча всматривался в него несколько секунд, после чего склонил голову:

— Как пожелаете, молодой господин.

Тяжелые шаги за дверью начали затихать. Коу Дун оперся локтями о подоконник и лениво подпер подбородок ладонями. Вскоре внизу, в саду, показалась фигура дворецкого. Мужчина склонился над кустами, придирчиво выбирая цветок, бережно срезал его маленькими ножницами и водрузил в хрустальную вазу с водой, чтобы принести наверх.

Коу Дун внимательно, прищурившись, следил за каждым его движением, но не заметил ничего подозрительного. Когда дворецкий вернулся с докладом, юноша пристально осмотрел его открытые ладони и лицо. Снова ничего необычного.

«Неужели я ошибся? — засомневался он. — Может, подсказка про "исход ночи" означала совсем другое?»

Коу Дун бросил взгляд на таймер задания. Шёл последний день обратного отсчёта.

В памяти невольно всплыли те времена, когда в играх можно было просто перезагрузить сохранение...

[До конца сценария осталось совсем немного. Какой способ побега планирует выбрать игрок?]

Коу Дун ненадолго задумался, а затем с абсолютной серьезностью поинтересовался у системы:

— А если соблазнить их? Получится сбежать?

[... Что?]

— Ну, смотрите: я начинаю медленно раздеваться, предлагаю им обоим сначала принять ванну, а пока они там плещутся, преспокойно делаю ноги...

Можно даже прикупить в игровом магазине какие-нибудь шелковые путы для постели, чтобы уж наверняка связать их.

[...??]

Система пребывала в глубоком шоке. Что за дикие извращенные фантазии?!

[Игроку настоятельно рекомендуется помнить: данный проект классифицируется как «Хоррор».]

Коу Дун сокрушенно вздохнул и обиженно захныкал:

— Но я ведь умею проходить только симуляторы свиданий...

Он смахнул несуществующую слезу, чувствуя себя глубоко несчастным.

— Эх, издеваетесь вы над бедной невинной овечкой, вот и всё.

Системный интерфейс, который собственными глазами видел, как эта «невинная овечка» пару дней назад хладнокровно спалила целый замок, выдал лишь многоточие:

[...]

Спектакль получился крайне фальшивым.

Но Коу Дун с самым оскорбленным видом развернулся и величественно пошагал вниз, в столовую — завтракать.

Насколько он помнил, в западной традиции жениху и невесте строго-настрого запрещалось видаться в день свадьбы до начала церемонии — считалось, что это приносит несчастье. Однако здешних монстров суеверия явно не заботили. И Джимми Личи, и Крёстный отец уже сидели за столом, приветствуя его появление пристальными взглядами.

У Коу Дуна при одном взгляде на эту парочку начинали болезненно пульсировать виски. Он изо всех сил старался держаться так, чтобы не пересекаться глазами ни с кем из них.

Однако Джимми Личи упорно игнорировал его холодность, увлеченно разыгрывая роль безумно влюбленного жениха:

— Сегодня вечером, — приторно-сладким голосом проворковал он, — мой дорогой братец наконец-то станет моей невестой.

Его глаза лихорадочно блестели. Склонившись над столом, он благоговейно прижался губами к ладони Коу Дуна.

Кожа на тыльной стороне ладони была безупречно белой и нежной, точно застывшие сливки.

Юноша попытался отдернуть руку, но безуспешно. Джимми слегка повернул голову, удерживая его пальцы, и медленно выпрямился. В глубине его темно-карих глаз плясали коварные искры.

— Ну же, братец... Не нужно меня дичиться.

Его губы были мертвенно-холодными, будто кусок льда. Коу Дун невольно вздрогнул от этого прикосновения к своей теплой коже.

Голос щеночка тёк липкой патокой:

— Ведь ты же не хочешь, чтобы тебя растерзали бродящие снаружи дикие звери, правда?

Он снова заговорил о чудовищах. Вглядевшись в лицо юноши, Коу Дун заметил, как из-под его верхней губы хищно поблескивают острые клыки.

— Правда, — процедил Коу Дун, заставив себя не шевелиться.

Крёстный отец на протяжении всей этой сцены даже не поднимал головы, чинно попивая английский чай. Лишь когда повисла неловкая пауза, он со стуком опустил чашку на блюдце и ледяным тоном скомандовал:

— Ешьте.

Эта короткая реплика послужила сигналом к началу трапезы — оба соперника послушно взялись за столовые приборы.

Стоило завтраку закончиться, как Коу Дун под прикрытием тканевой салфетки ловко стянул со стола тяжелую серебряную вилку.

В таинственном замке оставались лишь два неисследованных места — личные покои ключевых NPC. Немного поколебавшись, Коу Дун решил обыскать комнату Джимми Личи. В конце концов, юный барон вел себя куда более подозрительно и идеально подходил на роль коварного

демона.

Сделав вид, будто отправляется на обычную утреннюю прогулку, юноша поднялся на второй этаж и, убедившись, что коридоры пусты, поспешил к спальне барона. Миновав арочное окно, он бросил случайный взгляд во двор. Дворецкий стоял у ворот неподвижно, словно каменное изваяние.

«И днём, и ночью караулит... Какая поразительная бдительность!» — с раздражением подумал Коу Дун.

Досада сжала его сердце, но когда он попытался нажать на дверную ручку, злость вспыхнула с новой силой. Проклятье, заперто!

Почему спальни слуг всегда оставались открытыми, а тут — замок? Чистой воды дискриминация!

— Вечно эти господа рассуждают о высоких материях, а у самих элементарные права гостей нарушаются... — Коу Дун недовольно пробормотал под нос. — Хорошо, что я проявил дальновидность.

С этими словами он извлек из кармана украденную вилку.

В сознании тут же всплыл огромный виртуальный знак вопроса от игровой системы.

— Ты что, шпионские фильмы никогда не смотрела? — воодушевленно зашептал Коу Дун. — Там крутые спецагенты постоянно открывают замки всякими подручными средствами!

[... У игрока имеется соответствующий профессиональный навык?]

Он ведь не заправский вор и не профессиональный взломщик, откуда у обычного стримера такие сомнительные таланты?

— Нет, — честно признался парень после секундного раздумья.

[...]

— Положимся на удачу, — Коу Дун решительно выдохнул. — Связка ключей болтается у дворецкого на поясе. Слишком уж деликатное место, я не горю желанием туда лезть.

К тому же этот тип на самом деле — набитая соломой марионетка, обтянутая чьей-то содранной кожей. Одна мысль о прикосновении к нему вызывала дрожь отвращения.

— Ну, была не была, — Коу Дун потер ладони. — Я попробую.

Систему охватило уныние. Неужели этот чудака всерьез думает, что замок поддастся обычной столовой вилке?

Благородное серебро гнулось без труда. Действуя предельно осторожно, дабы не сломать зубцы, Коу Дун просунул вилку в замочную скважину и попытался провернуть. Механизм не поддавался.

Он вытащил своё «орудие взлома», шутливо подышал на него, словно на фарт, засунул обратно и принялся аккуратно шевелить из стороны в сторону...

[Система настоятельно рекомендует игроку прекратить сомнительные манипуляции и сосредоточиться на поиске стандартных решений...]

Не успела строчка текста растаять в воздухе, как из недр замка донесся едва слышный щелчок. Дверная ручка дрогнула, и тяжелое полотно медленно приоткрылось, явив темную щель.

Коу Дун остолбенел.

Игровая система зависла в немом изумлении.

— Обалдеть... — юноша ошарашенно уставился на свои пальцы. — Неужели сработало?

[...]

Искин готов был подписаться под каждым его словом.

— Ай да я, ай да золотые руки! — самодовольно похвалил себя Коу Дун.

Он потянул дверь на себя и бесшумно юркнул внутрь.

Первым, что он ощутил, был пронизывающий, леденящий душу холод.

Мороз пробирал до самых костей, заставляя тело мелко дрожать. Стоило Коу Дуну коснуться стены, как пальцы обожгло — обои покрывала плотная ледяная корка.

На первый взгляд спальня Джимми мало чем отличалась от остальных комнат особняка. Всё та же величественная кровать с балдахином, тяжелые портьеры, пушистый ковер на полу. Постель была застелена идеально ровно — ни единой складки, будто на ней никто никогда не

спал.

На прикроватной тумбочке сиротливо лежала лайковая перчатка. Кожа местами потерлась, будто вещь подолгу держали в руках. Коу Дун взял её и сразу понял: этот размер был явно велик для изящной кисти барона.

В те времена перчатки шились портными исключительно на заказ, строго по меркам владельца. Коу Дун прикинул аксессуар к своей руке — подошла идеально, пальчик к пальчику.

Судя по всему, вещь принадлежала прежнему хозяину тела.

И она до сих пор бережно хранилась у изголовья постели Джимми...

На лице Коу Дуна отразилось крайнее отвращение:

— Фу...

Представив, для каких именно утех барон мог использовать чужую перчатку, он брезгливо швырнул её обратно.

В отличие от спальни Коу Дуна, здесь пол под кроватью не был усыпан лепестками, однако в воздухе отчетливо пахло гниением. Попытавшись отыскать источник смрада, юноша заглянул под кровать и наткнулся на массивный деревянный сундук. Замка на нём не было.

Ожидая увидеть внутри увядшие бутоны, Коу Дун откинул тяжелую крышку и тут же в ужасе отпрянул, с грохотом захлопнув сундук. Перед глазами замелькала багровая пелена.

Что это было?..

Затаив дыхание, он заставил себя вновь приподнять крышку и хорошенько всмотреться в содержимое.

Плоть. Весь сундук до краев был забит кусками сырого мяса.

Грубые, наспех изрубленные куски покоились на подтаявших глыбах льда. Именно отсюда исходил тот самый сладковатый, одурманивающий аромат. Теперь стало ясно, почему в комнате поддерживался лютый холод — без него этот жуткий запас давно бы сгнил.

Коу Дун зажмурился, тщетно пытаясь убедить себя, что это обычная говядина или свинина. Но ледяной внутренний голос неумолимо твердил: «Нет. Это не животные».

У замученных слуг нашли лишь иссохшую кожу да кости. А куда делась вся их плоть?..

С трудом подавив подступившую к горлу тошноту, юноша поднялся на ноги. На изящном столике у стены красовались золотые блюда и приборы. Стоило наклониться ниже, как от них повеяло тем же тошнотворно-сладким запахом.

Если человека при жизни изо дня в день заставляли спать на благоухающих лепестках, то даже после смерти его плоть пропитывалась этим ароматом насквозь.

Коу Дун испуганно принялся к собственному запястью.

Грань стерлась. Он больше не понимал, пахнет ли это холодная комната барона или же его собственное тело источает этот сладкий, погребальный запах.

Остаться здесь дольше было смертельно опасно. Опасаясь вызвать подозрения у хозяев, Коу Дун торопливо выскользнул в коридор и направился на кухню, чтобы запутать следы.

Но стоило ему ступить на верхнюю ступеньку парадной лестницы, как внизу, словно соткавшись из воздуха, вырос дворецкий. Склонившись в безупречном поклоне, слуга произнес:

— Молодой господин, прошу вас пройти в свои покои. Пришло время принять ванну.

Когда Коу Дун выбрался из наполненной благовониями купальни, дворецкий бережно обернул его огромной махровой простыней, осушая влажную кожу. Затем последовала долгая и изнурительная процедура облачения: тонкое белье, тугий корсет, необъятный криолин, нижние юбки и, наконец, тяжелое верхнее платье.

Белоснежные кружева каскадом ниспадали к полу, превращая юношу в подобие экзотического перевернутого бутона.

Шелк и тончайший фатин ласкали нежную кожу. Тонкая, изящная шея, поднимавшаяся над ажурным воротником, казалась чистым, нетронутым сугробом.

Юноша выглядел так, словно его сотворили из первого зимнего снега — хрупкий, воздушный, готовый растаять от одного теплого дыхания.

Дворецкий опустил на колено, обувая его в изящные туфли и застегивая крошечные пряжки. Свежесрезанную утреннюю розу закрепили на корсаже. На лицо опустилась плотная фата, погрузив мир в зыбкую дымку. Коу Дун послушно сидел на краю постели, опустив голову — безупречный образ невинной невесты.

— Пожалуйста, ожидайте здесь... — негромко прошептал слуга.

Он затворил дверь и встал подле суженого. Его пальцы, сжимавшие старинные золотые часы, заметно подрагивали.

Сквозь плотную ткань фаты донесся приглушенный голос Коу Дуна:

— Дворецкий?.. Что-то не так?

— Всё в порядке... — выдавил тот, но слова прозвучали на редкость невнятно. — Всё хорошо... Правда.

Однако вопреки заверениям его тело начало оседать на пол. Коу Дун рывком сдернул фату и бросился к нему, пытаясь удержать. В ту же секунду его взгляду открылось нечто жуткое: руки и лицо дворецкого покрылись тончайшей сетью белесых шрамов. Эти узоры, похожие на выжженные клейма, ярко пульсировали потусторонним светом. Мужчина дрожащими пальцами схватился за голову, исторгая хриплые, прерывистые стоны.

В мгновение ока его силуэт начал неестественно раздуваться, словно в светящиеся швы вставили невидимые трубки и изо всех сил нагнетали воздух. Руки и ноги превратились в бесформенные округлые обрубки, а хрип сменился визгливым, истошным криком.

— А-а-а-а!.. Больно!..

— Горит! Как же горит! А-а-а-а-ах!

Подобного исхода Коу Дун никак не предвидел. Потеряв голову от шока, он схватил с кровати подушку и попытался сбить невидимое пламя, облегчить муки бедняги, но всё было тщетно. Дворецкий в судорогах повалился на ковер, извиваясь от невыносимой боли.

— Молодой... господин, — захрипел он, из последних сил ловя воздух синеющими губами. — Ваша... роза...

Коу Дун инстинктивно отпрянул назад, решив, что монстр в агонии совершит последнее нападение.

Но дворецкий лишь вцепился обеими руками в его щиколотку. Из последних сил потянувшись вперед, он благоговейно прижался дрожащими губами к тонкому подъему ноги юноши.

Хватка была бешеной — на бледной коже Коу Дуна мгновенно проступили багровые кровоподтеки. Но парень не замечал боли, замороженно глядя в угасающие глаза слуги.

В них плескалась бесконечная, щемящая тоска, смешанная с пугающей, блаженной радостью. Он замер в этом прощальном, отчаянном поцелуе, отдавая остатки своей уродливой жизни.

А затем, с негромким глухим хлопком, его тело разорвалось изнутри.

Облако серого пепла осело на кружева свадебного платья. Воздух мгновенно заполнила удушливая, концентрированная волна розового благоухания, от которой закружилась голова.

Коу Дун судорожно ухватился за край постели, когда до его сознания наконец дошел дикий, совершенно абсурдный факт.

— Система...

Система хранила молчание.

— Он любил меня, — потрясенно прошептал юноша. — Это была любовь...

[...]

— Он уничтожил себя... просто ради того, чтобы исполнить мой каприз и принести эту чертову розу?

Это ведь была простая проверка! Коу Дун всего лишь хотел выяснить, могут ли марионетки безболезненно выходить под прямые солнечные лучи.

Но дворецкий... Он ведь даже не входил в список целей для романтических свиданий! С какой стати игра выдала подобный финал?

Пока юноша пребывал в глубоком оцепенении, дверь спальни тихо отворилась. На пороге возник Джимми Личи в роскошном свадебном сюртуке. Мазнув безразличным взглядом по кучке пепла на ковре, барон тепло улыбнулся и протянул руку невесте:

— Мы опаздываем, любовь моя, — ласково произнес он. — Пора идти к алтарю, моя прекрасная невеста.

Главный зал особняка преобразился до неузнаваемости. Перила широкой лестницы были обвиты гирляндами из свежих белых роз, а ковер скрывался под толстым слоем лепестков. Посреди холла высился банкетный стол, уставленный тончайшим фарфором и фамильным серебром. Сотни восковых свечей заливали помещение мягким, торжественным светом.

Откуда-то из глубины коридоров лилась тихая, щемяще-чистая свадебная мелодия.

Длинный шлейф свадебного платья скользил по усыпанным лепестками ступеням. Коу Дун медленно спускался вниз, туда, где у подножия лестницы его ждал неподвижный Крёстный отец.

Невеста покорно вложила свои пальцы в ладонь мужчины, и они неторопливо направились к алтарю, у которого стоял сияющий от счастья барон. Джимми нетерпеливо поправил шейный платок, не скрывая искреннего восторга.

Рука Крёстного отца напоминала кусок льда. Он медленно, но властно сжал пальцы Коу Дуна.

— Не торопись, — нежно шепнул Джимми, перехватывая свободную ладонь юноши. — Теперь у нас впереди целая вечность, братец...

Его глаза горели безумным огнем. Виконт придвинулся ближе, почти касаясь полупрозрачной фаты, и осторожно поправил выбившийся из-под нее локон.

Он глубоко, с наслаждением вдохнул воздух.

— Твои волосы... Они пахнут просто восхитительно.

Коу Дун с трудом подавил очередную дрожь.

Но Джимми, казалось, ничего не замечал. Он крепко обнял его за талию, утыкаясь носом в шею и жадно впитывая аромат кожи.

— Я с самой первой нашей встречи грезил о том, каков ты на вкус... — прошептал виконт, обнажая в улыбке острые клыки. За внешней нежностью его слов скрывалась первобытная, хищная жажда крови. — Если бы Крёстный не вмешивался, я бы сожрал тебя еще в первый вечер.

Крёстный отец недовольно нахмурился и резко оборвал его:

— Довольно трепаться. К делу.

— Ладно, ладно... — послушно, но с явной неохотой проворчал юноша, притягивая невесту ближе. — Тогда пусть суженый подарит своему жениху первый супружеский поцелуй.

Коу Дун застыл на месте, словно пропустив призыв мимо ушей.

Джимми капризно надул губы:

— Ну же, братец...

— Разве так принято?

Из-под кружевной фаты наконец раздался тихий, трепетный голосок невесты. Юноша застенчиво опустил лицо, сквозь тонкую сетку ткани угадывался нежный румянец:

— Мой дорогой барон... Мужчина должен целовать свою невесту первым.

Эта кроткая покорность привела Джимми в неописуемый восторг. Расплывшись в довольной улыбке, он прошептал сладкое «Конечно» и нетерпеливо потянулся к фате, чтобы откинуть её назад и завладеть долгожданными губами...

Плотные слои кружева взметнулись вверх, на миг полностью перекрыв обзор. Но вместо прекрасного лица суженого барон встретил летящее прямо в глаза облако едкого мелкодисперсного порошка. Не успев среагировать, он зажмурился, когда слизистую рта и носа обожгло невыносимым, яростным пламенем.

Он судорожно закашлялся, задыхаясь от боли:

— Что за чертовщина?! А-апчхи!

Джимми согнулся пополам, заходясь в бесконечной серии чихов, из его глаз градом катились слезы. Крёстный отец, который из вежливости деликатно отвел взгляд, дабы не смотреть на поцелуй, резко повернулся на шум. Всё, что он застал — это медленно оседающую в воздухе мутную пыльцу.

Самого же виновника торжества и след простыл.

Крёстный отец оцепенел.

Его лицо мгновенно налилось свинцовым холодом. Окинув взглядом зал, он наткнулся на распахнутую настежь створку окна, из которой сиротливо выбивался обрывок тюля.

Бежал.